

Л. В. Ангеловская, Т. С. Канева
(Сыктывкар)

ПИЖЕМСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ О БУТМАНЕ: НОВЫЕ ЗАПИСИ

Аннотация: Статья посвящена текстологической характеристике новых источников эпической песни о Бутмане, известной среди жителей реки Пижмы, притока Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми). Они получены в ходе экспедиционной работы (2005, 2017 гг.) и в результате передачи рукописных и аудиозаписей исполнителем произведения авторам статьи (2018 г.). Основное внимание в работе сосредоточено на новейших записях, дающих новый интересный материал для наблюдений над вариативностью фольклорного текста. В качестве приложений публикуется 3 варианта новых записей «Бутмана».

Ключевые слова: эпос, Пижма, Бутман, вариант, текстология.

Abstract: The article is devoted to the textological description of new sources of the epic song about Butman, known among the inhabitants of the Pizhma River, the inflow of Pechora (Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic). They were received during the expedition work (2005, 2017) and as a result of handwritten and audio recordings by the performer of the work to the authors of the article (2018). The main attention of the work is paid to the latest materials, giving a new interesting material for observing the variability of the folklore text. As applications, 3 variants of new “Butman” records were prepared.

Keywords: epos, Pizhma, Butman, variant, textology.

Выход в свет первых двух томов «Свода русского фольклора» в 2001 г. подвел черту столетней истории собирания, публикации и изучения былин Печоры¹. В издании представлено сорок с не-

¹ Былины Печоры / Изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина,

большим сюжетов былины почти в трехстах записях, выполненных в Усть-Цилемском районе Республики Коми и в низовьях Печоры (Ненецкий автономный округ Архангельской обл.). В этом репертуаре особое место занимает сюжет о Бутмане. При публикации произведения под названием «Бутман Колыбанович и царь Петр Алексеевич», записанного от Устины Филипповны Чупровой (с. Замежное)², Н. Е. Ончуков отметил: «спела мне лучше, чем все другие, странную старину про Бутмана. <...> кроме Бутмана <...> не знает больше старин»³. После текста добавлено: «Я списывал эту старину четыре раза⁴, и никто не мог ее допеть до конца». Во вступительной заметке к изданию былины в «Известиях Отделения русского языка и словесности» в 1903 г. Н. Е. Ончуков написал о данном сюжете: «“Бутман Колыбанович и царь Петр Алексеевич” — вероятно, местная переделка былины про Василия Игнатьева-пьяницу, но участие в ней царя Петра делает эту былину настолько своеобразной, что “Бутмана Колыбановича”, может быть, можно причислить к былинам новым»⁵ (во всех процитированных здесь фрагментах курсив наш. — Л. А., Т. К.).

На необычного героя севернорусского эпоса обращали внимание крупнейшие былиноведы. В. Ф. Миллер объяснял имя героя влиянием олонецких преданий о Бутмане — онежском заводчике времени Петра I Андрее Бутенанте фон Розенбуш, отмечая при этом, что в былине от исторических преданий сохранились лишь имена и отголосок воспоминаний о сильной личности Бутмана и смутные реминисценции легенды о каком-то покушении на жизнь Петра I в Шведской земле⁶. А. М. Астахова выделила в «Бутма-

В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1–2). Далее — БП.

² Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. № 14 (Далее — Ончуков).

³ Там же. С. 59.

⁴ Кроме варианта У. Ф. Чупровой Н. Е. Ончуков опубликовал еще одну запись этого произведения, выполненную от Тараса (Ончуков № 16); в связи с первым вариантом приводится сравнение с текстом еще одной исполнительницы — А. М. Поздеевой (Там же. С. 62), от которой экспедицией Государственного института истории искусств в 1929 г. также была записана эта старина (БП № 218).

⁵ Ончуков Н. Е. Новые былины из записей на Печоре // Изв. Отд-ния рус. яз и словесности. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 298.

⁶ Миллер В. Ф. К печорской старине о Петре Великом и Бутмане Колыбановиче // Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. 3. С. 385–405.

не» «общую направленность»: «Бутман близок к голям. Похвальба его тем, что он сильнее и сметливее царя, оправдана конкретным фактом важной услуги царю — освобождением его из плена. По явному сочувствию к герою, по снижению образа царя и резко отрицательному отношению к придворным былина должна быть поставлена в один ряд с былинами о Василии Игнатъеве и об Илье Муромце и голях»⁷.

Ю. А. Новиков в комментарии к этому сюжету в «Былинах Печоры» заключает: «По мнению исследователей, сюжет возник не ранее XVIII в., в форме эпической песни записывался только на Печоре (один вариант — в Усть-Цильме⁸, все остальные — в деревнях по реке Пижме). Используя отдельные мотивы, поэтические образы, имена собственные и фразеологию былин, исторических песен и преданий, печорские сказители создали оригинальный сюжет, не имеющий близких параллелей. <...> В процессе устного бытования связь “Бутмана” с конкретными историческими событиями еще больше ослабела. Петр I упоминается только в одном варианте Ончукова <...> и одной записи 1929 г. <...>, в других текстах царь безымянен (используются характерные для исторических песен эпитеты «надежа православный царь», «белый царь») или заменяется былинным князем Владимиром <...>, Иваном Васильевичем <...>. Не все сказители помнили и самого Бутмана — в ряде вариантов его имя вообще не фигурирует (героя называют «добрым молодцем», «детинной» <...> или сохраняется только в названии произведений <...> Не исключено, что все варианты песни о Бутмане восходят к одному источнику»⁹.

Уже после появления «Былин Печоры» в «Своде русского фольклора», обобщая имеющиеся материалы, Ю. И. Смирнов написал обстоятельную статью «Бутман» (2015)¹⁰, в которой предложил свое видение того, в контексте каких исторических обстоятельств

⁷ Былины Севера / Зап., вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора. С. 556.

⁸ Имеется в виду запись от Акима Евпсихеевича Михеева (1955 г.: БП № 220), который был родом с Пижмы — уроженец д. Никоновской, о чем вспоминала его правнучка (Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (далее — ФА СГУ), АФ 03313-XX: Чупрова З. Ф. 1939 г. р., г. Нарьян-Мар; зап. Т. С. Каневой в 2011 г.).

⁹ Былины Печоры. Т. 2. С. 479.

¹⁰ Смирнов Ю. И. Бутман // Былины Усть-Цильмы: справочно-аналитические материалы / Сост. Л. В. Ангеловская, Т. С. Канева (отв. ред.). В работе.

и вследствие каких фольклорных механизмов мог сложиться такой необычный герой с необычным же именем. Исследователь акцентирует внимание на том, что «для давних создателей настоящих былин противопоставление героя правителю по силе или сметке было просто немыслимо»; оно «могло возникнуть довольно поздно, когда представление о богоизбранности хотя бы одного царя стало подвергаться сомнению или даже вовсе отвергаться в каком-то социальном слое. Таким крупным слоем поневоле стали старообрядцы. И именно они обосновались на Пижме. И только там в песне прозвучало истинное имя правителя, противопоставленного Бутману: в самой первой записи это “Пёт сын Алексеевич” (БП № 214), спустя почти тридцать лет — “Царь сын Алексеевич” (БП № 219)»¹¹.

Рассматривая былой подвиг былинного Бутмана, Ю. И. Смирнов полагает, что среди пижемцев мог бытовать «некий сюжет о Прутском походе Петра I» в 1711 г. Тогда русская армия (а с ней и сам царь) была прижата турками к реке и окружена. «Деятельное участие в окружении русской армии приняли и крымские татары», что отозвалось в нескольких вариантах «упоминанием Орды или татар, для певцов в качестве противников более привычных — в отличие от турок. По широко распространившимся слухам, Петру с трудом удалось добиться переговоров о выкупе себя и армии. <...> От каких-то подробностей о выкупе в песне уцелел один глагол “повыкупил”»¹² — в вопросе Бутмана к царю «Кто тебя повыкупил, из беды повыручил?». Имя главного героя эпической песни Ю. И. Смирнов, так же как и его предшественники, связывает с Бутманом заонежских преданий — заводчиком, принудившим все местное население работать на него и выступающим против Петра I. Автор предполагает, что рассказы о чужаке-заводчике и Петре были занесены на Пижму из Заонежья. «На Пижме, очевидно, некогда и вдруг, подобно новой звезде, вспыхнул опыт создания текста о богатыре, спасшем самого царя из окружения врагов. К тому времени на Пижме угасла память о Бутмане как о чужаке-заводчике. Пока пижемцы помнили что-то о Бутмане-заводчике, они не могли превратить его в богатыря-спасителя. Помимо имен, для создания былины о новом герое пижемцы должны были помнить лишь какую-то мысль о том, что Бутман — непонятно отчего и зачем — кичился своим превосходством над царем»¹³.

Примечательно то, что это местное новообразование остается наиболее устойчивым произведением и на этапе посттрадицион-

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ного существования эпической культуры. Именно оно — вместе с «Ильей Муромцем и Сокольников» — сохранялось в репертуаре последних сказителей Пижмы; эта пара остается самой привлекательной и для современных исполнителей былины.

Последней пижемской сказительницей фактически можно считать Евдокию Малафеевну Мяндину (1927–2006), которая принадлежала известному роду сказителей Чупровых из д. Абрамовской. В 1978 и 1987 гг. от Евдокии Малафеевны записывались старины «Илья Муромец и Сокольник», «Бутман» и пересказ былины об исцелении Ильи Муромца¹⁴. Записи были сделаны как в сольном исполнении, так и при совместном пении с мужем Романом Михайловичем Мяндиным, причем Евдокия Малафеевна не просто подпевала мужу, а выступала равноправным исполнителем, часто беря на себя инициативу и являясь «ведущей», влияя на «выстраивание» текста.

В 2005 г. с Евдокией Малафеевной, уже не вполне здоровой, встречались собиратели Сыктывкарского университета, в том числе авторы данной статьи¹⁵. Она пересказала несколько стихов старины о бое Ильи Муромца с сыном и даже попыталась напеть их, но спуталась, и попытки записать былину были оставлены. Был записан также фрагмент старины о Бутмане без напева, состоящий из 23 стихов. Однако, как это часто случается, механизм воспоминания был запущен, и при следующей встрече Евдокия Малафеевна сама начала петь былину. В итоге было зафиксировано еще 2 фрагмента старины о Бутмане, в каждом из которых исполнительница сбивалась на пересказ (но все же во втором варианте с напевом был исполнен фрагмент в 30 стихов)¹⁶.

При сопоставлении этих записей с четырьмя более ранними, сделанными также от Е. М. Мяндиной, мы выявили, что в целом

¹⁴ Записи Московского государственного университета 1978 г. [БП № 92, 93, 230, 231], Сыктывкарского государственного университета 1987 г. (*Бильчук А. А., Власов А. Н., Захаров А. Н., Мехреньгина З. Н.* Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета // *Русский фольклор. Эпические традиции: Материалы и исследования.* СПб., 1995. Т. 28. С. 258–290. № 1, 8; БП, Прил. V, № 1, 4).

¹⁵ Кроме авторов данной статьи в составе группы была А. И. Васкул.

¹⁶ Тексты опубликованы, см.: *Ангеловская Л. В.* Новые записи усть-цилемских былин в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета // *Народная культура в слове и тексте: Сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой.* Сыктывкар, 2013. С. 228–239. № 1-4.

варианты характерны для местной традиции, однако они имеют все признаки разложения текста. Стáрина устойчиво начинается с эпизода, привнесенного из былины «Илья Муромец и Сокольник»: старóй (Бутман) встает, умывается, молится богу, одевается (всего 3–4 стиха). Мотивы собственно «Бутмана» следующие: Бутман ходит в кабак (зачин) — 4 стиха, похвальба Бутмана — 1 стих, донос слуг царю — 6–8 стихов (в одной из записей этот мотив за счет неоправданных повторов — Евдокия Малафеевна, очевидно, сразу забывала, что только что спела — разросся до 22-х стихов), выпивание чары, допрос Бутмана царем, напоминание Бутмана о его помощи царю, упоминание о драке с татарами, разрешение пить безденежно — пересказы. Из трех вариантов «Бутмана», записанных в 2005 г., один представляет текст без напева (23 стиха и прозаический пересказ) и два варианта с напевом (от 7 до 30 стихов), дополненные пересказом. Несмотря на явную неполноценность этих текстов, в некоторых мотивах сохраняется характерное эпическое оформление¹⁷.

Одним из современных усть-цилемских исполнителей «Бутмана» является Альберт Семенович Дуркин (1940 г. р.) из с. Хабариха на Печоре, уроженец пижемской деревни Абрамовской¹⁸. В детстве он слышал старины от знаменитого Еремея Провича Чупрова, потом, переехав в Боровскую, познакомился там со сказителем Леонтием Тимофеевичем Чупровым, неоднократно бывал с ним на работах и в компаниях и запомнил его напев «Бутмана» («Вот я от него научился. Я хорошо мотив запомнил»¹⁹). Уже спустя много лет, проживая в Хабарихе, он стал участником местного самодеятельного певческого коллектива и, почувствовав возрастающий интерес к былинам, нашел в библиотеке с. Усть-Цильма сборник былин с записями от Л. Т. Чупрова²⁰. Таким образом,

¹⁷ Подробнее см.: *Ангеловская Л. В.* Современные записи усть-цилемских старин в контексте местной эпической традиции // Традиционная культура: научный альманах. 2010. № 3. С. 20–30.

¹⁸ Фрагмент «Бутмана» исполняет также И. Н. Поздеев, уроженец Пижмы, руководитель фольклорно-этнографического коллектива «Нареченька» (с. Усть-Цильма); он освоил текст по аудиопубликации старины в исполнении Еремея Провича Чупрова и дословно следует этому тексту.

¹⁹ ФА СГУ, АФ 03411-XX: Дуркин А. С. 1940 г.р., с. Хабариха; зап. Т. С. Каневой в 2017 г.

²⁰ Речь идет о материалах экспедиции Пушкинского Дома 1955 г.: Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / Изд. подг. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961. № 52 (То же: БП № 221).

текст был выучен Альбертом Семеновичем по опубликованному варианту, напев же он воспроизводит по памяти.

В 2017 г. Т. С. Канева зафиксировала исполнение этой эпической песни А. С. Дуркиным; в ходе записи был получен смешанный вариант текста: около половины (26 стихов) — с напевом, далее — в пересказе (см. Приложение 1). Кроме того, у нас имеется аудио-запись «Бутмана» в исполнении Альберта Семеновича в паре с молодым жителем пижемского села Замежная Ильей Чуркиным, сделанная последним при подготовке к их совместному выступлению на концерте в 2017 г. (объем — те же 26 стихов). Ведущая роль здесь принадлежит Альберту Семеновичу²¹.

Сравнение этих записей от А. С. Дуркина с «исходным» для него текстом Л. Т. Чупрова убедительно свидетельствует о практически дословном следовании своему учителю, что делается исполнителем осознанно²². Наиболее заметные различия можно отметить, пожалуй, лишь в мотиве воздействия питья на героя: если у Леонтия Тимофеевича (как и у других сказителей) он выражен формулой «(Не) оммыло ретивó сердцó, (не) взвеселило буйну голову», то у Альберта Семеновича — довольно оригинально: «(Не) обогрело его дúшу, (не) развеселило головушку». Из единичных варьирующихся деталей обратим внимание также на синонимичную замену Дуркиным одного слова в сочетании «судна с пришлюпками» на «корабли с пришлюпками» (как, кстати, в вариантах Еремея Провича Чупрова²³) и вариативную характеристику слуг: «слуги царские²⁴, всё губернаторы» (у Дуркина) — «слуги верные — всё губернаторы» (у Чупрова).

Интересный и в определенной степени неожиданный вариант «Бутмана» в двух записях был получен нами совсем недавно — уже в 2018 г. Одна из них — это письменное (компьютерное) воспроизведение текста, выполненное по нашей просьбе «напарником» А. С. Дуркина Ильей Чуркиным (1999 г. р.), уроженцем с. Замеж-

²¹ По его словам, Илья приспосабливается к нему: «Он подстраивается, потому что меня-то переиначивать-то поздно...» (ФА СГУ, АФ 03411-XX).

²² «Переделывать нельзя. Как люди пели, старики наши пели, так надо петь» (ФА СГУ, АФ 03411-XX).

²³ См.: БП № 217: 39; № 222:40; № 227: 46. Здесь и далее в подобных ссылках двоеточие отделяет номер текста от номера первого из цитируемых стиха.

²⁴ Прилагательное «царские» в обозначении слуг отмечено в вариантах Е. М. Мяндиной — в сочетании со словом «люди»: «люди царские, слуги придворные» (БП № 230: 11, № 231: 11).

ная (на реке Пижме), юношей, активно занимающимся освоением традиций своей малой родины. По его словам, это произведение исполнял его дед — Владимир Пименович Чуркин (1932–2013), уроженец д. Черногорской, проживавший в Замежной. Поскольку текст записан Ильей по памяти, и сам он занимается собиранием и публичным исполнением фольклорных произведений, т. е. обладает творческим отношением к ним, мы — несмотря на заверения нашего «дарителя» в том, что он «написал так, как дедко пел», — не исключаем неосознанного (по сути, творческого) вмешательства в текст, в связи с чем склонны трактовать его как вариант не одного В. П. Чуркина, а деда и внука Чуркиных (см. *Приложение 2*; в ссылках обозначим его так: Чуркины–2018). Он превосходит все известные нам записи «Бутмана» по объему — исчисляется в 126 стихов (ср.: самая полная из них — У. Ф. Чупровой 1902 года записи — насчитывает 97 стихов: БП № 214).

Вторая новая запись — бытовая аудиофиксация «Бутмана» в исполнении Ильи Чуркина, сделанная им также по просьбе авторов данной работы уже после получения письменного варианта. По объему текст И. Чуркина (он насчитывает 123 стиха) практически совпадает с «самозаписью», но отличается одним новым мотивом и отдельными деталями (см. *Приложение 3*; в ссылках обозначим данный текст так: И. Чуркин–2018).

Наиболее оригинальным в текстах Чуркиных является описание внешности Бутмана, которого видят царские посланники:

Вот пошли тогда слуга придворная,
Как придворная слуга, все губернатора,
Палачи пошли да все буйтныя.
Подходили они к цареву кабаку,
Открывали они да двери на пяты,
Увидали они да добра молодца:
Уж как он, удалой, все моготной был,
Голова его да как пивной котел,
А глаза его да ровно блюдечка,
А рука его лежит кувалдочкой.²⁵

(Чуркины–2018: 37; подоб.: И. Чуркин–2018: 34–43).

До сих пор мы встречали у отдельных пижемских сказителей обобщенные или опосредованные указания на силу и «могучесть» Бутмана. В двух вариантах такие детали переданы в прозаических фрагментах: «Пришли, видят, что его так-то не взять» (БП № 232:

²⁵ Здесь и далее в примерах из текста Чуркины–2018 пунктуация наша (Л. А., Т. К.), в остальном сохранены особенности текста, присланного И. Чупровым.

14); «Хотел его связать, да нельзя его было связать: большой, ядерный был» (БП № 229, вставка после 30-го стиха); в тексте супругов Мяндиных внешность героя передана известной формулой: «А дити-нуша в плечах — коса сажень» (БП, Прил. V № 1: 18). «Портрет» же Бутмана в варианте деда и внука Чуркиных, скорее, сближает его с «чужими» эпическими героями, нежели раскрывает его богатырский облик, ср. его с описаниями Идолища и татарина из печорских былин:

«Илья Муромец и Идолище»
(Осташов И. К.):

«Заехал Издолишше поганое
В тот же стольной Киев-град:
Ушице — сильны блюдишша,
Глазишше, как сильны чашишша,
А голова, как пивной котёл»
(БП № 65: 1);

«Василий Игнатъевич и Батыга»
(Чуркина Ф. Е.):

«Выбирал он тотарина, какой толще всех,
Да и выбрал такого да превеликаго,
Да и туша-то его да всё коса сажень,
Да коса-де сажень, сажень печатная,
Да и плеча-то его дак махова сажень,
Головице у его сильней пивной котёл,
Да ушица у его, как царски блюдица,
А глазици его, как пивны чашица,
А ручица его, как сильны граблица,
А ножица у его, как сильны кичижица»
(БП № 196: 73).

В тексте Ильи Чуркина образ главного героя приобретает и вовсе пренебрежительный оттенок за счет замены слова «глаза» на удвоенное «шары»: «Голова его да шшо с пивной котёл, / А шары, шары — те ровно блюдечка, / А рука лежит у его кувалдочкой» (И. Чуркин—2018: 41). Сходный выбор этого эмоционально окрашенного слова встречаем в корпусе печорских былин всего дважды, и оба раза в описаниях опять-таки «не своего» персонажа — Соловья-разбойника и татарина, см.:

«Илья Муромец» (Дитятева П. И.):

«Ко стрелы Илья да приговариват:
“Ты леги, моя стрела да всё калёная,
Не падай ни на землю, ни на воду,
Розлетись Соловеюшку во правой шар!”»
(БП № 42: 168);

«Про турá» (Дуркин А. С.):

«Из трех-то выбрали одного татарина,
Татарина они заморского.
Голова-то у его, как пивной котел,
Шборица у его, как большй чашица,
Руки у его, как большй граблица,
Ноги у его, как большй кычыжица»
(БП № 208: 46).

Необычное уподобление руки Бутмана «кувалдочке» в «новообретенных» текстах некоторым образом сближается со сравнениями рук и ног татарина с хозяйственными орудиями в приведенных примерах из былин «Василий Игнатъевич и Батыга» пижемки Ф. Е. Чуркиной (БП № 196) и «Про тура» сказителя А. С. Дуркина из печорской деревни Уег (БП № 208).

Бутман в варианте Чуркиных вызывает у посылных страх. Вразвернутом описании этой ситуации ими использована формула покорного поведения из свадебных причетов: царские слуги как будто уподобляются здесь робкой новобрачной, входящей в чужую семью:

Увидали слуга — все испужались,
Испужались все приужахнулись,
Говорят они да все полуротком,
А глядят на его да все полуглазком²⁶:
Нам с детиной, верно, будёт не сладити.

(Чуркины–2018: 47; подоб.: И. Чуркин–2018: 44–48).

Среди сходных воплощений мотива страха/смущения царских лаконников только в варианте супругов Мяндиных находим лаконичное обозначение боязни слуг, вызванной внешним превосходством Бутмана: «Побоялисе тут его расстраивать» (БП, Прил. V № 1: 20). Опосредованно такое отношение проявляется в тексте У. Ф. Чупровой; как отмечено Ю. А. Новиковым, она «подчеркивает богатырскую силу Бутмана: слуги умалчивают о наказе царя “сковать, связать”, “ко мне тащить” и почтительно приглашают героя на пир» (БП, т. 2, с. 480): «Подошли они Бутману, низко кланялись» (БП № 214: 36).

Тексты Чуркиных отличаются также мотивом намеренного «напаивания» пьяницы царским «гостинничком». Напомним, что в тех вариантах, где выпивание чары Бутманом предшествует отправке к царю, ситуация выглядит как инициируемое самим героем опохмеливание (см.: БП № 214, 218, 220). В рассматриваемых же записях слуги, чтобы выполнить приказ царя, решают:

Напоим его да зеленым вином,
Доташшим его, собаку пьяного.
Заходили они да во царев кабак,
Уж как низко они детины кланелись:
“Ах ты гой еси, удалой доброй молодец!
Как зовёт тебя царь да на почестен пир,
Передал тебе да он да все низкой поклон,
Как низкой поклон, ишше гостинничок”.

Наливали они да чару зелена вина...

(Чуркины–2018: 52)²⁷.

²⁶ Ср. с мотивом наказов невесте из усть-цилемских плачей; например: «Да во чужих людях надо жить умеючи, / Жить умеючи да разумеючи, / <...>, / Ходить надо не прохаживать, / Сидеть надо не просиживать, / Глядеть надо полуглазком, / Говорить надо полуротком» (ФА СГУ, АФ 0357-19: Поздеева А. И. 1908 г. р., с. Бугаево; зап. А. Н. Власовым в 1987 г.).

²⁷ Подобное — в варианте И. Чуркина с заменой «зелена вина» на «горь-

В финальной части «Бутмана», исполненного Ильей Чуркиным, появился еще один оригинальный мотив — открывание бочки Бутманом и разливание вина:

Ай, пошёл тогда детинка да во царёв кабак.
Выносил ён бочку да сороковочку,
Он и пяточкой пробочку вышебливат,
Ён по улочки вино да розливается:
“Ах вы гой еси, друзья мои кабацкия!..”

(И. Чуркин–2018: 117).

В числе остальных особенностей «Бутмана» Чуркиных отмечены некоторые детали, также не встречающиеся в других вариантах записи данного произведения. Это характеристика «гуляния» героя «по кружалу» с использованием глагола «кружаться» («Уж как ходит детина в твоём кабаке, / Он ы ходит гуляет там кружается», Чуркины–2018: 20); мотив открывания слугами царя дверей «на пяты» («Подходили они к цареву кабаку, / Открывали они да двери на пяты», Чуркины — 2018: 40; подоб.: И. Чуркин–2018: 38), детализация гнева царя, вызванного сообщением о дерзкой похвальбе Бутмана, посредством мотива помутнения очей («У царя-то плеча расходилися, / Очи ясныя да помутилися, / Закипела у его да кровь горечая, / Не увидел он надежа свету белого», Чуркины–2018: 31; подоб.: И. Чуркин–2018: 28)²⁸; включение «новой горницы» в описание «пути» слуг с Бутманом к царю («Подходили ко гридни княжонецкоей, / Как ко тем полатам белокаменным, / Заходили они во нову горницу», Чуркины — 2018: 84; подоб.: И. Чуркин–2018: 83)²⁹.

Большой интерес представляют обнаруживаемые в варианте Чуркиных соответствия редким для данного сюжета подробностям изложения. Так, «Бутман» Чуркиных сближается с записью этого произведения, сделанной в 1902 г. от У. Ф. Чупровой (БП № 214). Общими в них являются именование слуг царя в эпизоде их прихода к Бутману «палачами буйными» (Чуркины–2018: 39, И. Чуркин–2018: 36 и БП № 214: 35), уточнение «У кого болят нынть буйны головы» в приглашении Бутманом друзей к ку пьяницу»: «Напоим его, да горьку пьяницу» (И. Чуркин–2018: 49).

²⁸ Ср., например: «Как гореця его [царя] кров да разгореласе, / Могуцй его плеча да расходилисе, / Не увидел бы надежа свету белого» (БП № 214: 29; У. Ф. Чупрова); «Не ювидел надежа свету белого. / Как могуцце плечи расходилисе, / Гореця его кровь раскипелася» (БП № 219: 24; Т. Г. Торопова).

²⁹ Ср., например, с вариантом: «Подошли они ко гриням богатырьским, / Как во те же полаты белькаменны» (БП № 214: 48; У. Ф. Чупрова).

опохмеливанию (Чуркины–2018: 125, И. Чуркин–2018: 122 и БП 214: 95). Только у Чуркиных и У. Ф. Чупровой отмечаем вопрошание главного героя, обращенное к царю, с использованием глагола «напрокучить»³⁰ («Уж ы чо я тебе да напрокучил-то?»: Чуркины–2018: 95 и БП № 214: 56), а также буквальное сходство в ответе царя своему спасителю «Не пустым ты, детина (детинка), похваляешься!» (Чуркины–2018: 112, И. Чуркин–2018: 109 и БП № 214: 77)³¹.

Другая группа редких мотивов и художественных подробностей объединяет вариант Чуркиных с текстом, записанным от Акима Евпсихеевича Михеева в 1955 г. (БП № 220). Это оформление мотива хождения Бутмана в кабак посредством глагола «гуляет» (ср.: «По кружалу гулят да государеву» (Чуркины–2018: 4, И. Чуркин–2018: 4) и «По кружалу гуляёт восударевом» (БП № 220: 5)); этикетная просьба слуг о позволении «молвить речи» в начале их доклада царю о дерзкой похвальбе Бутмана (ср.: «Не вели казнить да речи вымолвить» (Чуркины–2018: 19) и «Ты не быть нас казнить, да речи вымолвить» (БП № 220: 17)). Только в вариантах А. Е. Михеева и Чуркиных царь хватает саблю, чтобы срубить дерзкому пьянице голову³², а после защитной речи Бутмана с напоминанием об оказанной услуге появляется описание реакции обескураженного царя; художественное воплощение обоих эпизодов очень сходно, ср.:

<i>Чуркины–2018:</i>	<i>А. Е. Михеев:</i>
«А берет де царь да саблю острую И срубить хочет да буйну голову...» (Чуркины–2018: 88; подоб.: И. Чуркин–2018: 85);	«Уж берёт-то ли царь да саблю острую, Он срубити хочет буйну голову...» (БП № 220: 46);
«...Как упали у царя да руки белые, Утихала у его да кровь горячая» (Чуркины–2018: 110);	«...Как упали у царя да руки белые, Как утихла у царя да кровь горячая» (БП № 220: 53).

³⁰ Глагол более характерен для словаря свадебных причитаний, в частности, устойчиво включается в мотив сетования невесты усть-цилемских плачей, см., к примеру: «Аы-х, а уж я чё тебе наскучила, / Аы-х, уж да напрокучила?» (Песни Печоры / Изд. подг. Н.П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М., Л., 1963. № 130).

³¹ Ср.: «Не пустыми рецами похваляешься» (БП № 218: 44, А. М. Поздеева).

³² Намерение срубить Бутману голову видим и в тексте У. Ф. Чупровой, но без упоминания «орудия казни»: «Я ссеку-де, срублю у тебя буйну голову!» (БП № 214: 68).

В варианте Чуркиных сабля вновь возникает в следующем сразу за порывом царя вопрошании Бутмана: «Говорил тогда дитина таково слово: / “Ах ты гой еси, надежа православной царь, / Ты почто заносишь саблю вострую, / Саблю вострую да не кровавлену, / Ты почто хочешь срубить мою буйну голову?...”» (Чуркины–2018: 90; подоб.: И. Чуркин–2018: 89–91). Примечательно, что определительное сочетание «сабля вострая, некровавлена» встречается все у того же А. Е. Михеева — в былинне «Илья Муромец и разбойники» (БП, № 113: 31), а также у Ф. Е. Чуркиной в былинне «Василий Игнатьевич и Батыга» (БП № 196: 236), некоторое сходство с поэтическим языком которой отмечалось ранее.

Кроме того, рассматриваемые тексты совпадают с вариантами Еремея Провича Чупрова³³. В частности, только у этих исполнителей звучит напоминание Бутмана царю о спасении его от смерти, ср.: «Тогда кто от смерти тя повыручил?» (Чуркины–2018: 109), «Тогда верной смертú тебя хто сповыручил?» (И. Чуркин–2018: 105) и «Тогда хто тебя от смерти повыручел?» (БП № 217: 37, Е. П. Чупров)³⁴. Схождения наблюдаются и в таких деталях финального обращения главного героя, получившего разрешение пить вина «безденежно», «бескопеечно», к друзьям, как глагол «заревел» (БП № 222), и приглашение «пойдемте опохмелимся» (БП № 222, 227), ср.:

<i>Чуркины–2018:</i>	<i>Е. П. Чупров:</i>
« <u>Заревел</u> тогда он <u>громким голосом</u> : – Ах вы гой еси, друзья мои кабацкия! У кого болят нынь буйны голова, <u>Вы пойдемте со мной да опохмелимся!</u> » (Чуркины–2018: 123);	« <u>Заревел</u> он, закричал да <u>громким голосом</u> : “Ах вы ой еси, товарищи кабацкие, . <u>Вы пойдемте со мною да опохмелимся!</u> ”» (БП № 222: 46 ^{34а}).

Стоит обратить внимание на нехарактерное соединение двух обозначений врагов в текстах Чуркиных:

³³ Всего от этого сказителя было сделано 4 варианта записи «Бутмана»: БП, № 216, 217 (запись 1929 г.), 222 (запись 1955 г.), 227 (запись 1964 г.).

³⁴ Как видим, в варианте И. Чуркина слово «смерть» получает определение «верная».

^{34а} «Ах вы гой еси, дружъя мои кабацкия! / Вы пойдемте со мной да опохмелимсе!» (БП № 227: 53).

Уж когда ты был да во чужой земли,
Во чужой земли да проклятой орды,
Ай, когда была война со турками,
Тогда кто оттуль тебя повыкупил?..

(Чуркины–2018: 105; подоб: И. Чуркин–2018: 101–104).

Привязку былых подвигов Бутмана к войне с турками встречаем лишь в вариантах Еремея Провича и Леонтия Тимофеевича Чупровых, принадлежащих одному абрамовско-боровскому роду пижемских сказителей. По наблюдениям Ю. И. Смирнова, «в ранних записях, пожалуй, чаще речь шла об Орде»³⁵. Полагаем, что в рассматриваемый текст, записанный, а затем пропетый Ильей Чуркиным, этноним «турки» попал под влиянием его старшего соисполнителя А. С. Дуркина, а по сути, — из варианта Леонтия Чупрова, сознательно усвоенного Альбертом Семеновичем (см. выше). Попутно отметим также, что характеристика главного героя песни «несурядливый» в варианте Чуркиных («во хмелю детинка несурядливый») также свойственна Еремею и Леонтию Чупровым.

В завершение отметим еще некоторые отличия варианта Ильи Чуркина от остальных записей «Бутмана» (в том числе и от письменно воспроизведенного им текста деда). Образ главного героя в его варианте приобретает дополнительную экспрессивность: он не «берет», а «хватает» подносимую ему чару с вином (И. Чуркин–2018: 60, 68), не «говорит», а громко «вопит» в ответ на занесенную над ним саблю («Возопил тогда детина громким голосом», И. Чуркин–2018: 87). В совокупности с «нечеловечески устрашающей» внешностью (напомним, что именно в варианте И. Чуркина «глаза» заменяются на пренебрежительное «шары»³⁶) создается оригинальная трактовка образа Бутмана.

Молодой исполнитель довольно свободно чувствует себя в построении текста: он не только опускает³⁷ или переставляет от-

³⁵ Смирнов Ю. И. Бутман.

³⁶ У данного слова можно отметить не только пренебрежительный оттенок; оно может выступать знаком «нечеловеческого», см., например, приговор-оберег от ячменя, который предназначался для ситуации, когда человек случайно становился свидетелем того, как мочится собака: «Сти, сери на свои шары!» (ФА СГУ, РФ 0321-2: Макаревич (Торопова) А. С., 1929 г. р., уроч. д. Росвино Усть-Цилемского р-на Республики Коми, г. Сыктывкар; зап. Т. С. Каневой в 1992 г.).

³⁷ В сравнении с рукописным текстом (Чуркины–2018) в этом варианте нет стихов 19, 21, 22, 28, 93 и др.

Приложение 1

$\text{♩} = 132-144$

Про бе - ло - го ска - зать на - ря про ве - рно - во
Про у - да - ло - го ска - зать да до - бра мо - ла - тца.
Он ле хо - лит Бу - тман да во ца - рёв ка - бак,
Он по - мно - гу пьёт да зе - ле - на ви - на,
Он не рю - мка - ми пьёт да не ста - ка - на - ми,
Пьёт, о - тхва - ты - ват да бо - чки со - ро - ко - во - чки.
Ва хме - лю - ту де - ти... -на не су - ря - длёв был,
Из ря - чей де - ти... -на вы - ши - ба - и - тсе,
Сам со - бо - ю де - ти - на по - хва - ля - и - тсе:
-Я на си - лу - шку да по - си - ль - не ша - ря,
Я на сме - та - чку е - во по - сме - кли - вей.

Слу - ги ца - рски - е, всё гу - бе-р(ы) - на - ту - ры.

О - ни сво - ро па - шли, ца - рю да - ло - жи - ли:

- Уж ты гой е - си да кра - сно со - лны-шко!

Он де хо - дит Бу - тман да во ца - рёв ка - бак,

Он по - мно - гу пьёт да зе - ле - на ви - на,

Он не рю-мка-ми пьёт да не ска - ка - на - ми,

Пьёт, о - тка - ты - ват да бо - чки со-ро - ко - ва - чки.

Ва хме - лю ту де - ти - на не су - ря - влёв был,

Из ре - чей де - ти... - на вы - ши - ба - и - тсе,

Сам со - бо - ю де - ти - на по - хва - ля - и - тсе:

- Я на си - лу - шку да по - си-ль - не ца - ря,

Я на сме - то - чку ца - ря по - сме - кли - вей!

- При - ве - сти ско - вать да го - рьку пня - ни - цу,

При - ве - сти е - во да вот ко мне на суд!

Про бело́го сказать царя, про верново,
Про удало́го сказать да добра мо́лодца.
Он-де ходит Бутман да во царёв кабак,
Он помногу пьёт да зелена вина.
Он не рюжками пьёт да не стаканами,
Пьёт-отхватыват да бочки-сороковочки.
Во хмелю-ту детина несурядьлёв был,
Из речей детина вышибаитсе,
Сам собою детина похваляитсе:

- 10 «Я на силушку да посильне царя,
Я на сметочку ево посмékливей!»
Погодились тут да слуги царские,
Слуги царские — всё губернаторы.
Они скорб пошли царю долóжили:
«Уж ты гой-еси, да красно солнышко!
Он-де ходит Бутман да во царёв кабак,
Он помногу пьёт да зелена вина.
Он не рюжками пьёт да не стаканами,
Пьёт-откатыват да бочки-сороковочки.

- 20 Во хмелю-ту детина несурядьлёв был,
Из речей детина вышибаитсе,
Сам собою детина похваляитсе:
“Я на силушку да посильне царя,
Я на сметочку царя посмékливей!”»
«Привести-сковать да горьку пьяницу,
Привести его да вот ко мне на суд!»
[Соб.: Это вся старина?]

Нет, не вся. Привели его на суд в общем, задаёт царь вопрос ему: почему столько вина, мол, пьёшь и всё такое. Вот. А он отвечает царю: <...> «Уж ты дай-ко...Уж ты дай-ко мне да опохмелитесь». Наливает царь да перву чашу вина. Выпивает детина да перву чару вина, перву чару вина — не обогрело его дýшу да не согрело, не развеселило головушку. Подаёт царь втору чару вина не велику, не мала — полведра. Выпивает Бóтман, да подаёт... <...> В общем, дошло до туда, что он

просит уже полтора ведра чару ему подаёт царь. «Вот, — говорит, — вот сейчас, щас у меня согрело душу мою и согрело, развеселило мою буйну голову. А вот сейчас-то мы с тобой да будем говорити, будем говорити да слово молвити. Ведь ты помнишь войну с турками? А кто вас освободил из... из... от турков? Я освободил вас от турков. Кто вас...». Вот. Поклонился царь добру молодцу в ноги: «Будь ты царём, я буду прислугою». — «Не надо мне...». — «Я дарю тебе города с пригородками, я дарю тебе деревни с присёлками, сёла с присёлками, я дарю тебе корабли с при... с пришлюпками». — «Не надо мне ваши города с пригородками, не надо мне ваши сёла с присёлками, не надо мне твои корабли да с при... Ты дай мне, дай мне токо пить вино да безденежно». Вот на этом заканчивается. Отказался от престола, отказался, и только чтобы ему было бесплатно вино давал он пить ему.

ФА СГУ, АФ 03411-XX: Дуркин Альберт Семенович, 1940 г. р. (урож. д. Абрамовской), с. Хабариха. Зап. Т. С. Каневой 28.06.2017. Расшифровка Т. С. Каневой. Нотировка Е. А. Дороховой.

Приложение 2

- Как про белого сказать царя про бедного,
Про удалого сказать да добра молодца.
Уж как ходит детина во царев кабак,
По кружалу гулят да государеву,
Он ы ходит гуляет там кружается,
Допьяна детинка напивается,
Он помногу пьёт да зелена вина,
Он не рюмками пьёт да не стаканами,
Он откатывают бочки-сороковочки.
- 10 Во хмелю-ту детинка несурядливой,
Из речей удалой вышибается,
Сам собою де он да похваляется:
«Уж как на силушку я да посильней царя,
Уж на сметочку я его посметливей».
Погодились у царя да слуги царские,
Вот придворный слуга все губернатора.
Они скоро пошли царю доложись:
«Ах ты гой если, наш солнышко Владимир-царь!
Не вели казнить да речи вымолвить:
- 20 Уж как ходит детина в твоём кабаке,
Он ы ходит гуляет там кружается,
Допьяна детинка напивается,
Он помногу ведь пьёт да зелена вина,
Он не рюмками пьёт да не стаканами,
Он откатывают бочки да сороковочки,
Во хмелю-ту детинка несурядливой,
Из речей то удалой вышибается,
Сам собою де он да похваляется:
Будто силушкой он да посильне царя,

- 30 А на сметочку он тебя посмекливе.
У царя-то плеча расходилися,
Очи ясныя да помутилися,
Закипела у его да кровь горечая,
Не увидел он, надёжа, свету белого:
«Уж связать-сковать да горьку пьяницу,
Привести его да все ко мне на суд!»
Вот пошли тогда слуга придворныя,
Как придворныя слуга все гувернатора,
Палачи пошли да все буйтныя.
- 40 Подходили они к цареву кабаку,
Открывали они да двери на пяты,
Увидали они да добра молодца,
Уж как он удалой все моготной был:
Голова его да как пивной котел,
А глаза его да ровно блюдечка,
А рука его лежит кувалдочкой.
Увидали слуга, все испужалися,
Испужалися, все приужахнулись,
Говорят они да все полуротком,
- 50 А глядят на его да все полуглазком:
Нам с детиной, верно, будёт не сладити.
Напоим его да зеленым вином,
Дотащим его, собаку пьяного.
Заходили они да во царев кабак,
Уж как низко они детины кланелись:
«Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
Как зовёт тебя царь да на почестен пир,
Передал тебе да он да все низкой поклон,
Как низкой поклон, ишше гостинничок».
- 60 Наливали они да чару зелена вина,
Не велику и не малу — ровно пол ведра,
Подавают эту чару обема руки.
Он берёт её да одной рукой,
Выпиват её да одним духом.
«Уж не обмыла эта чара ретиво серцо,
Не возвеселила мою да буйну голову,
Не пойду нынь я да на почестен пир».
Наливали тогда ему втору чару,
Как втору чару ему ведерную,
- 70 Подавают ему чару обема руки.
Он берёт её да одной рукой,
Выпиват её да одним духом:
«Не обмыла чара ретиво сердцо,
Не возвеселила мою да буйну голову,
Не пойду нынче да на почестен пир».
Наливали тогда третью чару вина,
Не велику и не малу — полтора ведра,
Подавают ему чару обема руки.
Он берет её да одной рукой,

- 80 Выпиват её да одним духом:
 «Уж оммыла чара ретиво серцо,
 Возвеселила мою да буйну голову,
 Уж пойдём нынче да на почестен пир».
 Подходили ко гридни княжонецкоей,
 Как ко тем полатам белокаменным,
 Заходили они во нову горницу.
 Он вставал детина низко кланялся.
 А берет де царь да саблю вострую
 И срубить хочет да буйну голову.
- 90 Говорил тогда детина таково слово:
 «Ах ты гой если, надежа православной царь,
 Ты почто заносишь саблю вострую,
 Саблю вострую да не кровавлену?
 Ты почто хочешь срубить мою буйну голову?
 Уж ы чо я тебе да напрокучил-то?»
 «Ах ты гой еси, удалой доброй молодец,
 Уж ты ходишь гуляешь в большом кабаке,
 Уж ты ходишь гуляешь там кружаешься,
 Допьяна ты детинка напиваешься,
- 100 Из речей то удалой вышибаешься,
 Своей силушкою да похваляешься,
 Будто силушкою да ты меня сильнее,
 А на сметочку меня посмекливе».
 «Ах ты гой если, да наш Владимир-царь!
 Уж когда ты был да во чужой земли,
 Во чужой земли да проклятой орды,
 Ай, когда была война со турками,
 Тогда кто оттуль тебя повыкупил,
 Тогда кто от смерти тя повыручил?»
- 110 Как упали у царя да руки белыя,
 Утихала у его да кровь горячая:
 «Не пустым ты, детинка, похваляешься.
 Уж я дам тебе города да с пригородками,
 Уж я дам тебе корабли свои со шлюпками,
 Уж ты будешь царем, а я слугой твоей».
 «Мне не надо города да с пригородками,
 Мне не надо корабли твои со шлюпками,
 Разреши мне пить вино да пить безденежно,
 Пить безденежно вина да безкопеечно».
- 120 И пошёл Бутман да во царев кабак.
 Он ы брал там бочку-сороковочку,
 Выносил её да вон на улицу,
 Заревел тогда он громким голосом:
 «Ах вы гой если друзья мои кабацкия!
 У кого болят нынь буйны голова,
 Вы пойдёмте со мной да опохмелимся».

ФА СГУ, ЭРФ 03-2018-6: текст получен Т. С. Каневой от Ильи Андреевича Чуркина (1999 г. р., урож. с. Замежная Усть-Цилемского района) по электронной почте 17.02.2018. Орфография приводится по оригиналу, пунктуация — Т. С. Каневой.

Приложение 3

$\text{♩} = 104$

Э, про бе - ло - го с(ы) - ка - зать ца - ря про бе - дно - го.

Про (й)у - да - ло - го с(ы) - ка - зать да ло - бра мо - ло - тца.

У-ж(е) как хо - ли - т(э) Бу - тман да во ша - рёв ка-бак,

По кру - жа - лу гу - лят да во - су - да - ре - ву.

Ан и хо - до - т(ы), де - ти - н(э) - ка, там кру - жа - е - тся,

До... пье - на де - ти - н(э) - ка да вы - пи - ва - е - тся,

Е... зре - чей ён, (й)у - да... - ло - й, вы - ши - ба - е - тся.

Он по м - но - гу да пьёт да зе - ле - на ви - на,

Он не рю - м(э) - ка - ми да - й не сто - ка - на - ми.

Он о - тка - ты - ва-т(ы) бо... - чки да со - ро - ко - во - чки,

Во хме - лю - то де - ти-н(э) - ка не - сю - ре - дли-вой,

И... зре - чей (й)у - да - ло-й вы - ши - ба... - е-тсэ,

Сам со - бо - ю - де ё - н(ы) да по...-(о) - хва - ля - е - тсэ:

[7] Уж я си - лу-щ(э)-ко - ю да по - си-ль-ней на-ре,

Уж и смё - р(ы)...

смё - то - чкой е - го по - сме - тли-вей.

По - го - ди - лись тут да слу - ги ца - рски-е,

Слу - ги ца - рски - е, всё гу - ве-р(ы) - на - то - ра. О -

ни ско - ро по - шли, цэ - рю до - ло - жи - лись:

☐ Ах ты гой е - си, наш со - л(ы) - ну - шко В(ы) - ла - ди - мир князь,

Ож и хо - ди - т(ы) де - ти - нка в тво - е - м(ы) ка - ба - ке,

О - н(ы) по - м - но - гу пьёт да зе - ле - на ви - на,

Он не рю - мка - ми пьёт да не сто - ка - на - мя,

Он о - тка - ты - ва - т(ы) бо... - чки да со - ро - ко - во - чки,

Во хме - лю - ту де - ти - н(а) - ка да вы - ши - ба - и - тез,

Из ре - чей у - да... - ло - й вы - ши - ба - и - тез,

Бу - дто си - льна...

си - лу - шко - й да спо - си - ль - ней ца - ря.

Ай, на смё - то - ч(н) - ку ё - н(ы) те - бя по - сме - тли - ве.

У ца - ря - то п(ы) - ле - чи да ро - схо - ди - ли - се,

О - чи я - с(э) - ны - я да спо - му - ти - ли - се.

За - ки - пе - ла но - н(е) да к(э) - ровь го - ре - ча - я...

- Как про белого сказать царя про бедного,
 Про(й) удалого сказать да добра молодца.
 Уж как ходит Бутман во царёв кабак,
 По кружалу гуляют да вусудареву,
 Он и ходит детинка там кружается,
 Допьяна детинка да выпивается,
 Из речей ён юдальый вышибается.
 Он помногу да пьёт да зелена вина,
 Он не рюмками дак не стоканами,
 10 Он откатывают бочки да сороковочки.
 Во хмелю-ту детинка несюрядливой,
 Из речей удалой вышибается,
 Сам собою де ён да похваляется:
 «Уж я силушкою да посильней царя,
 Уж и смёр... смёточкой я его посметливей.
 (Про смёрточку пели, дак я про смёрточку и запеваю)
 Погодились тут да слуги царские,
 Слуги царские, всё гувернатора,
 Они скорб пошли царю доложись:
 «Ах ты гой еси, наш солнышко Владимир-князь!

- 20 Уж и ходит детинка в твоём кабаке,
Он помногу пьёт да зелена вина,
Он не рюмками пьёт да не стаканами,
Он откатывают бочки да сороковочки,
Во хмелю-ту детинка да вышибайтсе,
Из речей удалой вышибайтсе,
Будто силушкой да спосильней царя,
Ай, на смёточку ён тебя посмекливе».
У царя-то плéча да расходилисе,
Очи ясныя да спомутилисе,
- 30 Закипела нонь да кровь горечая,
Не видел надежа свету белого:
«Ай, велеть сковать да горьку пьяницу,
Уж вести его да ко миңе на суд!»
Вот пошли тогда слугú придворные,
Ай, придворны слугú, всё гувернаторы,
Палачи пошли они буютные.
(С)подходили они к царёву кабаку, (...)
Открывали они да двери на пяты,
Увидали они да добра молодца,
- 40 А ведь он, детинка, дай он моготной был:
Голова его да шшо с пивной котёл,
А шары, шары — те ровно блюдечка,
А рука лежит у его кувалдочкой.
Увидали они, дак испужалисе,
Испужалисе, да приужахнулись,
Ой, глядят-глядят они полуглазком,
Говорят они да всё полуротком:
«Уж с детинкой, нам, будёт не сладити.
Напоим его, да горьку пьяницу,
- 50 Доташшúм его, собаку пьяного».
Заходили они дак во царёв кабак,
Уж детинке да низко да они кланелись:
«Ах ты гой еси, юдалой доброй молодец,
Уж зовёт тя царь да на почесен пир,
Он послал тебе да всё низкóй споклон,
Ай, низкóй поклон, да и всё гостинничок».
Наливали они да чару зелена вина,
Не велику и не малу — ровно полведра,
Подносят они да обема руки.
- 60 Он хватат её да одной рукой,
Выпиват её да одним духом.
«Ой, не оммыло у мя да ретиво серьцё,
Не возвеселило мою да буйну голову,
Не пойду к царю дак на почесен пир».
Наливали тогда они да чару зелена вина,
Ай, вторú чарú ему ведерною,
Подают они да обема руки.
Он хватат её да одной рукой,
Выпиват её да одним духом:

- 70 «Не оммыло нынчѣ у мня да ретиво сердце,
Не возвеселило мою да буйну голову,
Не пойду нынче дак на почесен пир».
Наливали они тогда третью чару да зелена вина,
Не велику и не малу — полтора ведра,
Подносили они да обема руки.
Он берет её да одной рукой,
Выпиват её дак одним духом:
«Ой, взвеселила чара ретиво сердце,
Взвеселила мою да буйну голову,
- 80 Ай, пойдѣм теперъ да на почесен пир».
Подходили они к полатам белокаменным,
Как ко той они ко гридни да княжонцкой,
Заходили они да в нову горницу.
Он встават детинка да низко кланяетсе.
А берѣт де царь да саблю вострую,
Он хочѣт рубити буйну голову.
Возопил тогда детина громким голосом:
«Ах ты гой еси, надежа провославной царь,
Ты пошшо занѣс да саблю вострую,
- 90 Саблю вострую дак некровавлену?
Ты почто хочѣшь рубити мою дак буйну голову,
Буйну голову дак несповинную?»
Отвечат тогда Владимир токово слово:
«Ах ты гой еси, удалой добрый молодец,
Ты пошто де ходишь часто да во царев кабак?
Уж ты ходишь гуляѣшь там кружаесьсе,
Допьяна вина дак напиваешьсе,
Сам собою ты дак похваляешьсе,
Будто силушкой ты спосильней царя,
- 100 Будто смѣточкой меня посмекливе».
«Ай, когда была война у тя со турками,
Ай, когда ты был да во чужой земли,
Во чужой земли да (в) проклятой орды,
Тогда хто тебя с оттуль ишке сповыкупил,
Тогда верной смертѣ тебя хто сповыручил?»
Упадала (у) царя тут сабля острая,
Упадали его дак руки белые,
Опустил свои он очи ясные:
«Не пустым детинка дак похваляется.
- 110 Уж я дам тебе города всё с пригородками,
Уж я дам тебе корабли-то я со шлюпками,
Уж ты будѣшь царем, а я слугой твоей».
«Мне не надь, говорит, города твоя да с пригородками,
Мне не надь кораблей твоя да всё со шлюпками,
Розреши вина дак пить безденѣжно,
Пить безденѣжно вина дак безкопеечно».
Ай, пошѣл тогда детинка да во царѣв кабак.
Выносил ён бочку да сороковочку,
Он и пяточкой пробочку вышебливат,

120 Ён по улочки вино да розливается:
«Ах вы гой еси, друзья моя кабацкия!
У кого болят нонь буйны голова,
Вы пойдёмте со мной дак ёпохмелимсе».

(ФА СГУ, АФ 03422: Чуркин Илья Андреевич, 1999 г. р., урож. с. Закежная Усть-Цилемского р-на Республики Коми. Бытовая аудиозапись, выполненная исполнителем 20.05.2018. Расшифровка Т. С. Каневой. Нотировка Е. А. Дороховой.

После стиха 37 исполнитель сделал остановку, начал с его повтора: «Подходили они к царёву кабаку»; после стиха 65 пропел: «Не велику и не малу — ров...» и оговорился: «Нет, они другú чарú наливали ему тогда ведерьюю»; после стиха 116 пропел: «Ай вы гой еси...», исправился: «Нет, еще это есть»).